

Вода капала из металлических ведёр, которые Лансий нес с помощью деревянного коромысла. Почва вокруг грядок с зеленью темнела, когда он проходил мимо. Сильный земляной запах поднимался от земли, впитывающей влагу.

Несмотря на то, что он делал подобное уже десятки раз, он не мог не думать, что справился быстрее, будь у него кроссовки или сапоги. Увы, все, что у него было, это жалкие на вид средневековые кожаные башмаки с твердой подошвой.

— Ланс, твои ноги уже дрожат? — поддразнил Марк от колодца.

Лансий усмехнулся и вернулся к колодцу, чтобы снова наполнить вёдра, но внезапно ткнул своим коромыслом в Марка.

— Ха! — Марк парировал удар вилами и начал контратаку.

Лансий заблокировал ее, и они устроили дружескую потасовку, в которой Марк легко блокировал и уклонялся от медленных ударов Лансия, все время насмехаясь над ним.

После нескольких попыток Лансий, наконец, поднял руки.

— Все... не могу дышать.

Марк даже не вспотел; атаки Лансия только взъерошили его короткие каштановые волосы. Будучи обученным владеть древковым оружием, он с легкостью управлялся с простыми вилами.

— Кажется, у нашего солдафона плохая выносливость, — ухмыльнулся он.

— Заткнись, — задыхаясь, пробормотал Лансий.

Марк поднял коромысло, наполнил банки водой и продолжил поливать их семейный участок. Медленно, но верно он полил все их весенние овощи. От этого зависела их жизнь.

В отличие от прошлого года, Лансий теперь мог помогать по хозяйству. Правда, он мог делать это недолго, прежде чем выбивался из сил. Тем не менее, он находил удовлетворение в том, что больше не был нахлебником.

— Марк, есть ли... другая работа? — спросил он на ломаном языке, когда они убирали инструменты.

Марк усмехнулся.

— Более легкая работа для тебя, братец?

Лансий мог только кивнуть. Он еще не настолько хорошо владел языком, чтобы спорить.

— По-прежнему не хочешь работать в лавке с шерстью?

«Ох, только не это...»

Лансий покачал головой.

Марк хихикнул.

— Ты не умеешь готовить, не умеешь столярничать и не умеешь писать. Так что либо лавка с шерстью, либо кожевенная мастерская.

От мысли о работе в кожевенной мастерской у Лансия свело желудок. Кожевники использовали мочу и навоз для обработки кожи, а также кровь, мозги и другие отходы животного происхождения.

— Ну, по крайней мере, ты свободный человек, — сказал Марк, чтобы подбодрить его.

— Свободный человек? — Лансий выучил новое слово и попытался угадать его значение.

— Да, в отличие от нас, ты можешь идти куда хочешь и искать работу в другом месте.

Лансий нахмурился.

— Вы... не свободные?

— Ну, мы могли бы быть свободными, если бы выплатили наши долги. Земля, дом и инструменты предоставлены лордом. Но нам нужны были деньги, чтобы чинить вещи, покупать одежду или строить новые заборы, — объяснил Марк.

Лансий забеспокоился. Он впервые услышал об этой проблеме.

— Не волнуйся. Это небольшая сумма, — заверил его Марк. — Но если так пойдет дальше...

Лансий проследил за взглядом Марка и понял ситуацию. Они засаживали не более четверти выделенной им земли. Более того, урожай был небольшим, а овощи ценились невысоко.

— Эй, не смотри на меня так, — сказал Марк. — Да, мы в долгах, но мы не собираемся никуда переезжать, так что все в порядке.

— Тебе здесь нравится? — спросил Лансий, глядя на бескрайние зеленые луга.

— Да, отец привез нас сюда, когда мы были маленькими. Это далеко от столицы, но зато безопасно во время войны, — сказал Марк, вспоминая своего покойного отца.

Ветер дул мягко, развевая их свободные, грязно-белые туники, и это было приятно. С приближением конца весны ветерок приносил с собой особый аромат и сухость.

— Марк! Ланс! — позвала маленькая девочка из-за поля.

— Таня, почему ты здесь? — спросил Марк, брат девочки.

Таня расплылась в улыбке и объявила:

— Мама купила на рынке мясо.

— Ух ты, мне пора. — Марк быстро собрал свои инструменты и побежал домой.

— Эй! — запротестовал Лансий. У него не было сил бежать за Марком, поэтому он не торопясь, начал убирать инструменты. Его желудок заурчал при мысли об упущенной возможности. Мясо было редким лакомством. Когда мама Аррин покупала его, это обычно были кости для бульона, и очень мало самого мяса.

К тому времени, как Лансий закончил, солнце стало полностью оранжевым и висело низко над горизонтом. Направляясь домой, он заметил Таню, ждавшую за деревянным забором. Ее золотистые волосы ярко блестели на фоне заката. Она была единственной блондинкой в деревне, все остальные, включая ее брата и мать, были темноволосыми.

— Таня, почему ты не пошла с Марком? — спросил он, пытаясь вспомнить нужные слова.

— Я лучше пойду домой с тобой, — ответила она с улыбкой, обнажив щербинку между зубами.

Лансий не мог не усмехнуться. Ему нравилось общество Тани. Из трех человек, которых он знал в этом мире, она была ему ближе всех. Та, кто не давала сойти с ума в самые тяжелые моменты его жизни.

— Слушай, давай о чем-нибудь поговорим. Хм, ты уже все вспомнил? — вдруг спросила она.

— Э-э, хм... нет, я помню кое-что, но не все.

— Ох, как жаль. Я так хочу услышать, как выглядят твой дом и твоя деревня. — Как и все дети, Таня интересовалась миром за пределами Белландии.

— Может быть, когда я научусь лучше говорить.

— У тебя хорошо получается. В прошлом году ты разговаривал только жестами, — сказала она, мило улыбаясь.

Не в силах больше сопротивляться ее обаянию, Лансий остановился, опустился на колени и жестом предложил ей залезть к нему на спину, чтобы прокатиться.

— Ура! — Она вскочила и обняла его за шею.

— Уф, ты... тяжелая, — пробормотал он.

Таня рассмеялась, сжимая колени, как будто ехала на лошади. На самом деле, она была худенькой, как и многие другие дети в деревне.

Лансий подчинился и побежал трусцой. Он обожал эту маленькую девочку.

Когда в прошлом году Лансий очнулся в этом неизвестном месте, он был тяжело болен и чуть не умер. Никто не повез его в больницу и не оказал первую помощь. Не зная языка и того, где он находится, он мог предположить, что попал в аварию где-то в сельской местности.

После выздоровления он понял, что произошло нечто невероятное. Куда бы он ни посмотрел, в Белландии не было лампочек, настенных часов и даже туалетной бумаги. Это место, напоминавшее средневековье, действительно таковым являлось.

Хуже того, вся его прошлая личность стала туманной. Он помнил сюжеты фильмов и книг — даже «Искусство войны», которое он почему-то изучал, — и знал, что окончил университет и работал. Но он не помнил ни одного имени. Ни лиц родных, ни воспоминаний о родном городе, ни даже своего собственного имени.

Единственное имя, которое осталось, было ником, который он использовал в реалистичных онлайн-играх: Лансий. Этим именем он вел за собой бесчисленных игроков в онлайн-битвах и чувствовал себя комфортно, когда его так называл — но он никогда не ожидал, что будет использовать это имя в реальности.

Для человека, выросшего в современную эпоху, перспектива жизни в средневековье казалась безрадостной, полной войн, эпидемий и изнурительного труда. У Лансия началась депрессия,

он почти ничего не ел и страдал от постоянной лихорадки. Если бы не Таня, у него не было бы никакой надежды.

Маленькая девочка заботилась о нем и не давала ему падать духом благодаря своему любопытству. Постепенно ее слова стали ему понятны, и он начал открываться, доверяя ей и двигаясь дальше.

Времена года сменились, и в Белландию пришло лето. Даже в самом сердце Арвенского нагорья солнце палило нещадно, хотя прохладный горный ветерок и смягчал жару. Фермеры, обработавшие свои земли, укрывались в своих домах в это время года, занимаясь починкой инструментов и одежды.

Земли вокруг деревни пожелтели от созревших хлебов, и оставался всего один сезон до жатвы. В отличие от земледельцев, овощеводы работали по более короткому графику, сажая и пересаживая растения по несколько раз в год. Поэтому семья мамы Аррин продолжала работать и в это суровое время года.

Сегодня Лансий тоже помогал на ферме, но после двух часов тяжелой работы он взмок от пота и был вынужден остановиться. Он прислонился к прохладному камню колодца, простонав от боли во всем теле, в тени его крыши.

«Так жарко... проклятье... просто невероятно».

— Ха, я же говорил, — воскликнул Марк из-под своей большой соломенной шляпы.

— Оставь его в покое и помоги мне с этим, — крикнула мама Аррин.

Вздохнув, Марк вернулся к работе под палящим солнцем.

«Это так жалко... такими темпами я буду зависеть от них вечно».

Лансий наблюдал за Марком и Аррин. Несмотря на жару, они усердно работали на грядках с капустой и репой, пропалывая и подсаживая растения по мере необходимости.

Это был второй год Лансия здесь, поэтому он думал, что обладает всем необходимым, чтобы помогать им. Однако летнее солнце разительно отличалось от мягкого весеннего. Влажность, интенсивность и жара легко одолевали его. Он пробовал несколько раз, но все время заканчивалось носовым кровотечением или лихорадкой.

«Мне нужна другая работа. Что-то кроме физического труда, если я хочу стоять на

собственных ногах».

— Тебе, наверное, лучше пойти с Таней в лавку с шерстью? — предложила Аррин, очищая подол своего коричневого рабочего платья от грязи, когда они закончили работу.

— Может быть... — равнодушно ответил Лансий, убирая инструменты. Ладони болели, но он хотел помочь.

Упрямство Лансия навело Аррин на мысль, что он слишком суров к себе, а Марк подумал, что, несмотря на свою непригодность к фермерству, Лансий слишком горд, чтобы согласиться на женскую работу.

Лавка с шерстью, как и следовало из ее названия, была местом, где красили шерсть и пряли пряжу. Хотя Лансий не возражал против такой работы, но платили там гроши, и лавка служила в основном местом сбора деревенских домохозяек, которые болтали и сплетничали во время работы. Для интроверта это был бы худший кошмар.

Аррин и Марк позволили Лансию самому принять решение. Несмотря на трудности, они не рассчитывали на его помощь. Хотя он был того же роста, что и Марк, у Лансия были более слабые руки и нежные ладони. Он мало ел и был привередлив в еде — особенно в том, что касалось кипяченой воды, — но в основном заботился о себе сам. Хотя находились дела, в которых ему требовалась помощь, они не были слишком серьезными.

Когда солнце начало садиться, они забрали Таню из лавки с шерстью и отправились домой.

В ту ночь Лансий почувствовал приближение лихорадки, ему нужна была мазь от волдырей на руке. Таня нанесла тонкий слой мази на его обожженные ладони и отвлекла его от грустных мыслей, рассказывая истории, которые услышала в лавке.

В то время как Лансий чувствовал себя неполноценным, остальные члены семьи были благодарны ему за усилия. Он учил язык и демонстрировал готовность помогать. К тому же, Марк был достаточно взрослым, чтобы откликнуться на призыв лорда Арвены, а такие мелкие фермеры, как они, должны были нести военную службу вместо уплаты налогов. Будучи призванными, мужчины из деревни должны были следовать вступить в армию лорда на срок до четырех месяцев в году. В это время Аррин работала бы одна. Присутствие Лансия давало Марку некоторое спокойствие.

Однако Лансий не мог смотреть на это с такой точки зрения. Неспособность работать, как другие мужчины, угнетала его. Даже не имея полных воспоминаний, он знал, что его прежняя жизнь была раем по сравнению с этой. Он чувствовал, что средневековое сельское хозяйство было не чем иным, как жестокостью, а выражение «ломать спину» казалось преувеличением, пока он не испытал это на собственной шкуре. В ту ночь, как и во многие другие ночи, когда его мучила болезнь, он поклялся сбежать от фермерской жизни.

Начался сезон дождей, почти каждый день на улице стояла морось. До зимы оставался еще месяц, но от холода, витавшего в воздухе, коченели кости.

— Ох, — тяжело дышал Лансий, пока они шли под холодным, мелким дождем.

— Еще немного, давай, давай, — подбадривал его Марк.

Они несли дрова для сельского старосты. Марк нес по вязанке дров на каждом плече, а Лансий справлялся только с одной.

— Н-нет ли другой работы? — спросил Лансий. У него болело плечо и горели бедра.

— Хех, ты все еще спрашиваешь об этом? — поддразнил Марк.

Лансий глубоко вздохнул.

«Легко ему говорить. Я не хочу работать, как качок».

К сожалению, большая часть работы была связана с физическим трудом. Хотя были и другие ремесла, они обычно передавались от отца к сыну и были слишком мелкими, чтобы требовать дополнительной помощи.

— Шевелитесь, ребята. Дрова мокнут, — поторопил их старик в сухой, плотной одежде, как только увидел приближающихся юношей. В отличие от него, на молодых людях было всего по два слоя грубой одежды.

Они ускорили шаг и поспешно вошли в старый, но крепкий на вид деревянный сарай. Это место принадлежало сельскому старосте, который являлся достаточно богатым, чтобы иметь отдельную постройку для хранения дров.

Оба аккуратно бросили свои вязанки дров на пол и тяжело задышали. Несмотря на попытки укрыться от дождя бегом, они все равно сильно промокли.

— Долго же вы, — пожаловался староста, обеспокоенный тем, что дрова намокнут. Ничего удивительного — он был известен своим грубым обращением, старческим брюзжанием и скупостью. Марк брался за эту работу только потому, что жена старосты всегда угощала их едой.

Но прежде чем они смогли получить свою награду...

— Эй, вы куда? Сначала сложите их аккуратно, — приказал он.

Марк и Лансий застонали, но развернулись и сложили дрова, как было сказано. В отличие от мелких веток, которые они использовали у себя дома, здесь были толстые, хорошо просушенные поленья. Такие поленья горели дольше и не дымили.

Когда они закончили, староста почесал голову, словно озадаченный.

— В чем дело? — спросил Лансий, растирая руки, чтобы согреться.

— Тц... да так, ничего. Я просто забыл сосчитать их перед тем, как складывать. Теперь трудно сосчитать.

— Поленья? Да их же тридцать шесть, — равнодушно ответил Лансий.

Староста тут же с сомнением посмотрел на Лансия. Даже Марк, отряхивавший одежду от щепок, с подозрением наблюдал за ним.

«Погодите, почему вы так на меня смотрите?»

— И-их всего шесть и шесть... — начал объяснять Лансий, лихорадочно вспоминая нужное слово для умножения. Не найдя его, он начал понимать, что пошло не так.

— Ты можешь умножать, не используя таблицу? — недоверчиво спросил Марк.

— Д-да, — ответил Лансий, осознав, что в эту эпоху люди полагались на таблицу умножения для вычислений. Использование цифр, похожих на римские, еще больше усложняло вычисления.

«Они не умеют умножать?.. Ну конечно! У них нет нормального образования... Это может быть моим шансом. Подумать только, математика, а не что-то революционное, вроде пороха или антибиотиков».

Марк выглядел пораженным, но староста не был убежден. Даже он, как и большинство торговцев и некоторые фермеры, умел считать, не прибегая к таблице. Поэтому он решил проверить:

— Попробуй сосчитать, сколько ног у трех лошадей. Можешь использовать...

— Двенадцать, — выпалил Лансий, не задумываясь.

Его ответ поразил старика.

— Одиннадцать плюс семь?

— Восемнадцать.

Старик продолжал хмурить брови.

— А если у пяти коз родятся по три козленка, сколько всего будет козлят?

— Пятнадцать козлят, — с усмешкой ответил Лансий.

Староста яростно считал на пальцах. При таком методе каждый палец представлял собой до четырех единиц, соответствующих трем суставам и кончику пальца. Большой палец использовался как указатель. Таким образом, используя все восемь пальцев, он мог легко считать до 32 единиц — этого было достаточно, чтобы считать дни месяца.

Получив тот же результат, он немного расстроился. Он всегда гордился тем, что был самым смышленным в деревне, но это был его предел. Теперь же, увидев, как Лансий считает, не прибегая к таблице или пальцам, он был поражен.

— Молодой человек, к тебе, часом, не вернулась память? Может быть, ты был учеником торговца? — Голос старика был не таким грубым, как обычно.

Лансий задрожал, но не от холода, а от осознания того, что это может быть его билетом в новую жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/114436/4422276>